

**Владимир
ПАХОМОВ**
США

НУ ВЕДЬ ЗАПЛАЧЕНО ЖЕ? СПОЛНА? (РАССКАЗ НОМЕРА Щ-1478)

В 1989 году во время инспекционной поездки по северному Приколымью ночь застала нас на богом забытой метеостанции.

Метеорологи – два бородатых мужика лет по 35 на вид, встретили нас, как всегда встречаются на затерянных полярных станциях, на которых мне приходилось бывать множество раз. После накрытого немудреного стола один из них (Виталий, кажется) сказал, что надо позвать Дядю Сашу.

«Уж очень он всегда рад новым людям, – пояснил он. – Мы-то все это уже десятки раз слышали... ну то, что он вам расскажет, а расскажет обязательно...»

И Дядя Саша пришел...

На пороге стоял высокий, сгорбленный, совершенно седой мужчина в опрятной, чисто выстиранной (по всей видимости, недавно) одежде.

«Разрешите?» – вежливо спросил он и присел на край лавки возле стола.

Положив кусочек рыбы на хлеб, он бережно поддержал его второй ладонью, чтобы ни одна крошка не упала на пол.

Во всем его взгляде и даже в манере сидеть было что-то заискивающее, что ли (и сегодня не могу подобрать точного определения).

– А почему вас называют Дядя Саша?

– Да потому что фамилию мою и отчество никто не знает, да я и сам забывать их стал потихоньку... Номер вот хорошо помню – Щ-1478.

– Какой номер? – не понял я.

– Лагерный номер, – невесело улыбнулся он.

И вдруг, как будто поддавшись внезапному откровению, он рассказал мне удивительнейшую историю, которую я запомнил на всю жизнь.

Вообще, я не раз замечал особенность почти сразу располагать к себе самых различных людей, часто незнакомых со мной.

Киев, 1938 год

Итак, представьте, 1938 год, город Киев, государственный университет.

Я готовлю курсовую по межродовым отношениям

скифов Северного Причерноморья, которую я собирался положить в основу дипломной работы.

Почти ежедневно ссорюсь с моей Галей по поводу даты нашей предстоящей свадьбы.

Как жили мы – студенты конца 30-х?

Да, наверное, так же, как и вы 30 лет спустя: дружно, весело, небогато... Также не хватало порой денег угостить девушку мороженым... Учились, работали, свято веря в светлое будущее и победу коммунизма.

Мы, конечно, знали о ночных арестах, черных закрытых машинах, обысках, но были уверены, что наши «органы» не ошибаются и неустанно, днем и ночью, борются с врагами нашего государства.

На проходящих почти каждую неделю комсомольских собраниях мы с жаром клеймили позором явных и замаскированных врагов, требуя для них самой суровой кары.

О настойчивых попытках ухаживания за моей Галей со стороны завкафедрой – статного сорокалетнего мужчины с густой седеющей шевелюрой, я, конечно же, знал, но большого значения этому старался не придавать. И, как оказалось, напрасно.

7 апреля (этот день я запомнил навсегда) меня арестовали прямо во время занятий на глазах у всех, а через два часа втолкнули в переполненную камеру Лукьяновской тюрьмы.

Я старался не слушать советы сокамерников о том, как себя держать на допросе, что можно говорить и что нельзя, потому что был уверен (как и многие вокруг), что все это ошибка и меня скоро выпустят, принеся извинения.

Перед первым допросом мимо меня из кабинета следователя двое мужчин в форме вывели (точнее, вынесли) окровавленного избитого человека. Я стыжусь и сейчас в этом признаться, но я всегда боялся боли, поэтому решил сразу – подпишу все, что скажут, лишь бы не били.

В кабинете следователя никого не оказалось.

Через минуту вошел молодой человек в форме с открытым честным взглядом, взглянул на мое без единой кровинки лицо и вежливо предложил мне стул.

Почти сразу же передо мной стоял стакан чая в серебряном подстаканнике и на тарелочке два бутерброда с необычайно свежей колбасой.

– Угощайтесь, не стесняйтесь, а главное – успокойтесь!

– Посмотрите вот этот список, пожалуйста, – и он протянул мне листок с написанными от руки фамилиями, среди которых были 3 или 4 моих однокурсника – всего 15 человек! – Эти люди, а может, и еще кто-нибудь, мы их обязательно выявим, входят в состав студенческой контрреволюционной троцкистской организации. Вы подтверждаете это?

Я, конечно же, хотел сказать: «Нет!», но, вспомнив изуродованное лицо человека, дрожащей рукой подписал приговор, скорее всего, ни в чем не повинным людям.

– Это все? – как в тумане спросил я.

– Еще маленький вопрос – это ваше? – и следователь протянул мне стопку исписанных листов. Это были черновики моей курсовой работы!!!

– Да, это мое, а откуда они у вас?

– Дело в том, что ваш завкафедрой утверждает, что вы постоянно ссылаетесь на труды так называемых профессоров, которые арестованы как враги народа и уже понесли заслуженную кару. А невеста ваша – Галя, вот, ознакомьтесь, сообщает, что вы постоянно обсуждали с товарищами труды этих отщепенцев. Если вы подтверждаете это – подпишите, пожалуйста, здесь и еще вот здесь...

Ощущая противную дрожь во всем теле, вытирая одной рукой потное лицо, я не читая подписал оба документа, забыв неустанные советы сокамерников – ничего не подписывать!

Через 10 дней, прошедших в ожидании освобождения, мне уже в другом кабинете огласили приговор особого совещания: «Назначить по совокупности статей 58-10 и 58-11 десять лет исправительно-трудовых лагерей».

ГУЛАГ, декабрь 1938-го – лето 1953-го

В тюрьму Галя не приходила. Значительно позже я узнал, что на комсомольском собрании, где меня исключили из комсомола, она активно выступала «ЗА» и предлагала заклеить меня позором.

Потом была Ярославская пересылка, грязь, мат, уголовники, казалось, нескончаемый рельсовый путь в грязном и душном «столыпинском» вагоне, ледяной темный трюм парохода, снова пересыльная тюрьма в Магадане.

В декабре 38-го года по утопающей в снегу промерзшей дороге меня, почти полумертвого от недоедания и холода, привезли на золоторудный прииск «Мальдяк» Дальстроя.

Провалился два месяца в больничке, был признан негодным для работы по добыче золота и отправлен подсобным рабочим на промзону, потом на погрузку угля для кочегарки, а вскоре водителем и по совместительству бульдозеристом.

Где-то там, на промзоне, работал С.Королев, но я не встречался с ним, хотя разговоры о нем слышал.

В активе я не ходил (честно говоря, и не предлагали), но вот в выпусках стенгазеты участвовал, писал стихи.

В 47-м ко Дню революции (30 лет мне уже было) написал стихи и угодил в карцер – что-то не понравив-

лось «куму», а тут еще мотор заклинило у моей машины, в общем, добавили мне срок.

Освободился я по амнистии 1953-го и даже получил разрешение вернуться в Киев. Как я узнал позже, благодаря хлопотам дяди – главного инженера оборонного завода.

Киев, 1953 г.

В Киеве меня встретил дядя Леня – родной брат отца – и предложил пожить у него в большой, почти пустой квартире в уцелевшем старом каменном доме на Дарнице.

Долго извинялся за то, что не мог разыскать меня – война, эвакуация завода...

Используя многочисленные старые связи, дяде удалось прописать меня у себя. Я сразу же начал искать Галю и случайно на улице столкнулся с моим бывшим преподавателем. Он, пряча глаза и явно чувствуя себя неловко, рассказал мне, что в январе 1939-го Галя вышла замуж за завкафедрой и в сентябре 1940-го родила двойню – мальчишек: Всеволода и Тараса. В июне 1941-го при первой же бомбежке в их дом попала бомба. Галя и ее муж погибли под завалами, а дети чудом уцелели. Их забрали в детский дом, который через месяц эвакуировали, а куда, он не знает.

Слушая Дядю Сашу, я вдруг поймал себя на мысли, что его рассказ звучит как-то заученно, навсегда затверженным уроком, да ещё и довольно монотонно, и против моей воли глаза стали потихоньку закрываться.

Заметив это, Дядя Саша сменил интонацию и слегка повысил голос: «В общем, усилиями в основном дяди я разыскал этот детский дом. Он был эвакуирован в Сызрань, а в 1948-м снова вернулся в Киев, и дети Гали были там, живы и здоровы.

Неожиданно умирает мой дядя – прямо на улице. Обширный инфаркт, последствие невероятного напряжения, недосыпания, голода во время работы на оборонном заводе в тылу. И я остался один в огромной (по тем временам) квартире. Сколько было обито порогов, длинных очередей за всевозможными справками, не сосчитать, но я добился опекуна над сыновьями Гали и вскоре перевез их к себе в квартиру.

Зачем я все это затеял? Ради памяти Гали? Вряд ли... Да и любил ли я ее тогда, спустя 15 лет? Простить, конечно, простил, время такое было...

И тогда, и сейчас я думаю, что этим хотел хоть в малой толике искупить вину перед людьми из того списка, который я подписал тогда в кабинете следователя... Скажу тебе сразу, что отношения с Галиными детьми у меня не сложились. К этому времени им было по 15 лет, оба они курили, потихоньку пили, и

скоро в нашей квартире стали появляться весьма сомнительные личности, некоторые значительно старше близнецов. В пришлых я наметанным глазом узнавал бывших зоновских «пассажиров».

В шкафах, а то и прямо на столе я обнаруживал вещи, нередко женские, какие-то коробки, свертки, дорогие продукты. В школу ходить братья перестали, а меня просто не слушали, иронически-снисходительно улыбались, как будто обращались со слабоумным человеком. Но тогда я не придавал этому большого значения.

Прошло два долгих года, показавшихся мне даже более длинными, чем пребывание в лагере.

И вот однажды в воскресенье вечером к дому подъехала машина с красным крестом, из которой вышел человек в несвежем халате и в сопровождении двух дюжих «молодцов» с равнодушно-угрюмыми лицами.

Человек достал из внутреннего кармана сложенную вчетверо бумажку, развернул и зачитал, что по заявлению граждан (подписи имеются) я должен в принудительном порядке пройти медицинское обследование по причине слабоумия и социальной опасности для окружающих.

Я не сопротивлялся.

Через год меня выписали из психушки. В квартире меня встретили чужие люди, и я узнал, что уже полгода как выписан. Идти было некуда.

Возвращение на Колыму

Я снял последние деньги со сберкнижки и по оргнабору (вербованный, значит) оказался снова на Колыме, как будто и не уезжал никуда. Ей-богу, как домой возвратился. Вот доживаю

здесь теперь. Пенсию выправил, домик остался вот от метеостанции, раньше-то больше она была... Ребятам – спасибо, как могут, помогают.

Он замолчал и как-то (или мне показалось) опять заискивающе заглянул мне в глаза:

– Ну скажи мне – за все же заплачено сполна? Всей жизнью моей. Я вот в лагере верующим стал, – и он показал простой крестик на тонком ремешке из сыромятной кожи. – Молюсь каждый день, прощенья прошу, как думаешь, услышит он меня?

И тут я понял, что этот вопрос он задавал много раз десяткам людей в надежде услышать такой нужный для него ответ.

Я смотрел на него и молчал. Мне не было его жаль.

А если бы в том списке было не 15, а 40 или 100 человек?

А в войну, которую он пережил в лагере, если бы попал в плен, наверняка был бы предателем и служил бы немцам?

Может быть...

Ночью, лежа без сна в спальном мешке, я размышлял об услышанном. Мы тогда уже достаточно знали о том времени. Я побывал на многих заброшенных лагерях Колымы и Чукотки.

А теперь я задаю вопрос себе и вам: «А как бы я, или вы, или ваши друзья повели себя в кабинете следователя в 39-м?»

И для себя ответ не нахожу... Ответ, вероятно, кроется в извечном и таком разном для каждого нравственном выборе, нередко одной минуте, определяющей для каждого его дальнейшую судьбу.

И все же подумал я: «Нет, Дядя Саша, неоплаченный этот долг, и не закрыть его вам».

□

Владимир Анатольевич ПАХОМОВ

родился 13 апреля 1948 года.

В 1971 году окончил геологический факультет

ДВПИ, г. Владивосток.

С 1971 по 1979 год работал в ПГО «Приморгеология»

в должности геолога, начальника отряда, старшего геолога

по всей территории Приморского края.

С 1979 по 1992 год работал в ПГО «Севостгеология»

на Западной Чукотке и Центральной Колыме

в должности начальника партии,

главного геолога экспедиции.

В 1998 году эмигрировал в США.

